

И.И. Матвеева

АКТИВИСТ

Персонаж повести А.П. Платонова «Котлован». У героя нет имени и фамилии, нет дома и семьи, ничего не сказано о его прошлом. Он носитель идеи бюрократического служения власти и государству.

Внешность Активиста весьма условна. Взгляд выхватывает лишь приметы крайней нервозности; душевного и физического истощения: «тщательные глаза», «подозрительный взгляд», «истощенная нагрузками грудь». От постоянной общественной работы Активист «запустел, опух... и оброс редкими волосами».

Колхозники не любят и не уважают Активиста. Когда Активист заявил о себе после удачных хлебозаготовок, что он «умнейший человек на данном этапе села», то, услышав это, «один мужик объявил себя бабой» Крестьянка, со двора которой увели лошадь, в сердцах говорит о нем: «...он всюду глядит, он все щепки сосчитал». Более того, Активист кажется колхозникам до того «поганым», что «когда общество задумало его однажды женить, дабы убавить его деятельность, то даже самые незначительные на лицо бабы и девки заплакали от печали».

Впервые мы встречаемся с Активистом в тот момент, когда Вошев и Чиклин привозят в колхоз гробы для убитых кулаками Сафронова и Козлова, посланных в деревню для проведения коллективизации. Вошев и Чиклин обнаруживают Активиста в избе на краю деревни. Бумажка на двери дома сообщает, что это «обобществленный двор № 7 колхоза имени Генеральной Линии» и что «здесь живет активист общественных работ по выполнению государственных постановлений и любых кампаний, проводимых на селе».

Активист хочет руководить всеми людьми без исключения и стремится занести в отчетные документы даже самые незначительные события колхозной жизни, поэтому он немедленно «составил приемочный счет на гробы и велел Вошеву идти в сельсовет и стоять в почетном карауле у двух тел павших товарищей». Вскоре туда же он отправляет и Чиклина.

Сам Активист погружается в еженощное сладострастное изучение спускаемых из района директив. «Каждую новую директиву он читал с любопытством будущего наслаждения, точно подглядывал в страстные тайны взрослых, центральных людей». В бумагах, приходящих из района, его иногда называли «головотяпом» и «упущенцем». Тогда он «замирал на мгновение от тоски жизни» и решал пойти «в массу руководимой жизни». Однако эти мысли быстро покидали Активиста, так как он «не хотел быть членом общего сиротства» и хорошо знал, что «уже сейчас может быть подручным авангарда и немедленно иметь всю пользу будущего времени».

С помощью бумаг Активист строит «необходимое будущее, готовя для себя в нем вечность». Он понимает, что в строительстве нового общества ему отведено место маленького винтика, всецело зависящего от вышестоящих организаций. Однако он тайно мечтает занять в будущем значительный руководящий пост и ради этого растрчивает себя без остатка в настоящем.

Активист собирается обзавестись женой только с наступлением коммунизма в сельском хозяйстве, потому что именно тогда, по его мнению, «лучше выявятся женщины».

Активист осуществляет в селе политику сплошной коллективизации. При этом он стремится выполнять все лозунги и призывы партии. Даже самые абсурдные («заготовляйте ивовое корье») он пытается воплотить в жизнь, чтобы не прослыть «упущенцем». «Он боялся, что зажиточность скопится в единоличных дворах. Одновременно он опасался и переусердия — поэтому обобществил лишь конское поголовье, мучаясь за едино-

ких коров, овец и птицу, потому что в руках стихийного единоличника и козел есть рычаг капитализма».

Проводя в селе линию партии на уничтожение кулака, Активист ловко подтасовывает факты для своих отчетов. Когда Чиклин неосторожно убивает мужика «с желтыми глазами», пришедшего в сельсовет обмыть Козлова и Сафронова, Активист радуется этому — теперь у него вместе с умершим от голода и печали «скучным мужиком» уже два убитых «врага». «И правильно, – говорит он, – в районе мне и не поверят, что был один убиец, а двое — это уже вполне кулацкий класс и организация».

После похорон Козлова и Сафронова, которые Активист организовал как торжественное шествие во время «светлого момента обобществления имущества», на следующий день назначаются новые мероприятия — «звездный поход колхозных пешеходов в окрестные, жмущиеся к единоличию деревни», а затем «народные игры». «Утром колхозные босые пешеходы выстроились в ряд на Оргдворе. Каждый из них имел флаг с лозунгом в руках и сумку с пищей за спиной». Активист, расставив крестьян в виде пятиконечной звезды, призвал всех «идти в среду... беднячества и показать ему свойства колхоза путем призывания к социалистическому порядку». После этого странники печально двинулись в путь и скрылись от всех за стеной дождя.

Сам Активист остается в колхозе обучать молодых женщин грамоте. Он учит их не просто чтению и письму, но вбивает в темные головы новую коммунистическую идеологию. Под его руководством женщины бойко повторяют мало попятные им слова: «Большевик, буржуй, бугор, бессменный председатель, колхоз есть благо бедняка, браво-браво-ленинцы! Твердые знаки ставить на бугре и большевике и еще на конце колхоза, а там везде мягкие места!» После занятий Активист обходит единоличников, чтобы «убедить их в неразумности огороженного дворового капитализма».

Вечером Активист собирает всех жителей деревни на Оргдворе, где пытается в последний раз уговорить их вступить в колхоз. «Ну как же будем, граждане? – произнес активист в вещество народа, находившегося перед ним. – Вы что ж, опять капитализм сеять собираетесь, или опомнились?» Всех непокорных Активист решает завтра же сплавить вниз по реке на плоту, который по его указанию строят Чиклин и Вошев. Для большего устрашения народа Активист, «вынув поминальные листки и классово-расслоечную ведомость... стал метить знаки по бумагам... мужики открыли рты и глядели на карандаш с томлением слабой души, которая появилась у них из последних остатков имущества. <...> Бабы, стоявшие за плетнем Оргдвора, враз взвыли во все задушевные свои голоса».

Народ не скрывает ненависти к Активисту, и в минуту всеобщего горя перед выселением из родной деревни не желает его видеть. «Отвернись... от нас на краткое время, – попросили Активиста два середняка. – Дай нам тебя не видеть».

Утром следующего дня Активист организует раскулачивание и выселение «кулаков» из собственных домов. Жестокое мероприятие осуществляет Чиклин и медведь-молотобоец. Раскулаченные прибывают на Оргдвор для отправки на плоту вниз по реке. «Сверив прибывший кулацкий класс со своей расслоечной ведомостью, Активист нашел полную точность и обрадовался действиям Чиклина и кузнеца-молотобойца». По команде Активиста «кулаки согнулись и стали двигать плот... на речную долину».

Эта сцена видится глазами инвалида Жачева, которому неожиданно стало «труднее, хотя неизвестно отчего». Жачев наблюдает, как уплывает плот «по снежной реке», как ветер шевелит «темную, мертвую воду, льющуюся среди охладелых угодий в свою отдаленную пропасть», и ему сделалось «скучно, печально в груди». Ему кажется, что кулачество с плота печально смотрит на него — «люди хотели навсегда заметить свою родину и последнего счастливого человека на ней».

Тем временем Активист выставляет на крыльцо Оргдвора рупор радио и начинает запланированное народное гулянье, в котором совсем не чувствуется веселья. «Народ товарищески торжествовал. Давно живущие на свете люди... струнулись и топтались, не помня себя». Организованное «веселье» продолжалось до полуночи. И хотя радио

давно замолчало, но «колхоз, не прекращая топчущейся, тяжелой пляски... постепенно запел слабым голосом, слов в этой песне понять было нельзя, но все же в них слышалось жалобное счастье и напев бредущего человека».

Пока народ «веселится», Активист отправляет в район донесение о ликвидации в деревне кулаков, надеясь на то, что успешное проведение «мероприятия» положительным образом отразится на его продвижении по службе. Однако повышения не последовало. В новой директиве, спущенной сверху, объявлялось, что Активист «есть вредитель партии, объективный враг пролетариата и должен быть немедленно изъят из руководства навсегда». Областная депеша, слегка изменяя слова известной сталинской статьи «Головокружение от успехов», обвиняет Активиста в «перегибщине», «переусердщине», «сползании по правому и левому откосу с отточенной остроты четкой линии».

Активист чувствует острую обиду, оттого что в последнее время он «не ел», «не спал в досталь», жил «как в бреду, его сердце еле билось от нагрузки, он... старался организовать счастье и хотя бы в перспективе заслужить районный пост». Разоблаченный Активист не хочет больше притворяться озабоченным чужими нуждами. Он снимает с больной Насти свой пиджак — «раз его устраняют, пусть массы сами греются». Обидевшийся за ребенка Чиклин, дает Активисту «ручной удар в грудь, чтобы дети могли уповать, а не зябнуть», и убивает его.

Колхоз не огорчился из-за гибели вожака, он лишь «спокойно пригляделся к опрокинутому активисту, не имея к нему жалости, но и не радуясь, потому что говорил активист всегда точно и правильно, вполне по завету». Приговор мертвому Активисту выносит Вошев, который называет его «мертвой душой» и обвиняет в том, что тот «весь класс испил». Под звуки радио, заменяющие похоронный марш, Активиста сплавляют по реке в море вслед за раскулаченными крестьянами.